

Научная статья

УДК 342.5

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-3-35-44

Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти

Денис Александрович Мишин¹
Станислав Валерьевич Куровский²
Павел Витальевич Смолин³

^{1,2}ООО «Высшая школа образования»
Одинцово, Россия

³ФГКУ «ВНИИ МВД России»
Москва, Россия

¹9651530@gmail.com
²pavelmolchanov@mail.ru
³8917564@gmail.com

Аннотация

Российская система разделения властей, имея классический триединый вид, включает законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, что закреплено в Конституции РФ. Однако де-факто круг органов, учрежденный государством и наделенный публичными властными полномочиями, гораздо шире, и включает в том числе прокуратуру. Между тем, ее место как в целом в системе разделения властей, так и в соотношении, например, с судебной ветвью власти, не совсем однозначно закреплено в Конституции РФ. Поэтому главная цель статьи заключается в выявлении сущностных отличий прокуратуры и в определении ее места в системе разделения властей. В ходе анализа выделяются функции надзора, уголовного преследования, координации правоохранительной деятельности, а также правотворческая функция. Рассматриваются различные подходы к оценке роли прокуратуры в системе разделения властей, а именно роль прокуратуры как органа исключительно государственного надзора; как особого органа; как органа, обеспечивающего систему издержек и противовесов; как компонента судебной ветви власти. Проанализирована трансформация статуса органов прокуратуры в результате проведенных в 2014 и 2020 гг. конституционных реформ. В итоге формулируется вывод о принадлежности прокуратуры к государственным органам, не входящим в круг органов государственной власти, а также подчеркивается ее особый статус.

Ключевые слова

власть, государственный орган, законность, прокуратура, прокурорский надзор, разделение властей.

Для цитирования

Мишин Д. А., Куровский С. В., Смолин П. В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 3. С. 35–44. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-3-35-44

The place of the prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of public authority

Denis A. Mishin¹, Stanislav V. Kurovsky²
Pavel V. Smolin³

^{1,2}LLC "Higher School of Education"
Odintsovo, Russian Federation

³NRI of the Ministry of Internal of Russia
Moscow, Russian Federation

¹9651530@gmail.com

²pavelmolchanov@mail.ru

³8917564@gmail.com

Abstract

The Russian system of separation of powers, having a classic triune form, includes the legislative, executive and judicial branches of government, which is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. However, the de facto range of bodies established by the State and endowed with public authority is much wider, and includes, among other things, the prosecutor's office. Meanwhile, its place as a whole in the system of separation of powers, and in relation, for example, to the judicial branch of government, is not quite unambiguously fixed in the Constitution of the Russian Federation. Therefore, the author sees the main purpose of the article in identifying the essential differences between the prosecutor's office and in determining its place in the system of separation of powers. The analysis highlights the functions of supervision, criminal prosecution, coordination of law enforcement activities, as well as the law-making function. Various approaches to assessing the role of the prosecutor's office in the system of separation of powers are considered, namely, the role of the prosecutor's office as an exclusively state supervisory body; as a special body; as a body providing a system of costs and balances; as a component of the judicial branch of government. The article analyzes the transformation of the status of the prosecutor's office as a result of the constitutional reforms carried out in 2014 and 2020. As a result, the conclusion is formulated that the prosecutor's office belongs to state bodies that are not part of the circle of state authorities, and its special status is also emphasized.

Keywords

government, public authority, legality, prosecutor's office, prosecutorial supervision, separation of powers

For citation

Mishin D. A., Kurovsky S. V., Smolin P. V. The place of the prosecutor's office of the Russian Federation in the system of public authority. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-3-35-44

Введение

Исходя из положений Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституции РФ), в частности из 10, власть на территории России разделена на три ветви, а именно:

- законодательную;
- исполнительную;
- судебную.

Эти три классические ветви власти, составляя единую систему, тем не менее имеют относительную самостоятельность, что, по замыслу авторов теории разделения властей и авторов Основного Закона, должно обеспечивать баланс указанной системы и предупреждать разного рода злоупотребления.

Вместе с тем органами, входящими в одну из трех ветвей, не ограничивается круг всех субъектов, реализующих публичные государственно-властные полномочия. Прокуратура Российской Федерации (далее – Прокуратура РФ), создание и деятельность которой тоже предусмотрена нормами Конституции РФ, формально не входит в систему органов государственной власти. При этом она наделена широкими полномочиями властного характера, в связи с чем актуализируется вопрос о ее месте в системе разделения властей.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2022. 6 окт.

Помимо того, актуализации темы способствовали проведенные в 2014 и 2020 гг. конституционные реформы, затронувшие некоторые значимые аспекты статуса органов прокуратуры, в результате чего произошло перераспределение части полномочий Генерального прокурора РФ в пользу Главы государства. В этом контексте интерес представляет и вопрос оценки указанных реформ.

Основная часть

Первоочередное внимание необходимо обратить на положения гл. 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура». Сам факт совмещения в одной главе норм о судебных органах и о прокуратуре не может не вызывать вопросов, особенно с учетом общей структуры Конституции РФ, в рамках которой отдельные органы власти предусматриваются отдельными главами, в частности, в гл. 5 регламентируется деятельность Федерального Собрания как законодательного органа, в гл. 6 – деятельность Правительства РФ как высшего органа исполнительной власти.

В то же время из буквального содержания норм гл. 7 становится очевидно, что прокуратура ни коим образом к категории органов судебной власти (судебных органов) не относится, несмотря на совмещение норм о ней в одной главе с нормами об органах судебной власти.

В ч. 1 ст. 129 Конституции РФ Прокуратура РФ характеризуется как единая федеральная централизованная система органов, которая реализует:

- надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека;
- уголовное преследование;
- прочие функции.

Положения указанной нормы позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемый орган является, в первую очередь, надзорным. Помимо того, это орган правоохранительный. И если учитывать полномочия в области уголовного преследования, то они в некоторой мере совпадают с полномочиями, например, органов внутренних дел, органов Следственного комитета РФ, которые в определенной мере тоже осуществляют уголовное преследование. В то же время прокуратуру вряд ли можно соотносить с данными органами, по крайней мере в силу ее надзорных полномочий. Более того, спектр указанных функций прокуратуры не ограничивается перечисленными в Конституции РФ, что означает возможность существенного расширения ее компетенции.

Нельзя не обратить внимание и на достаточно широкий круг ограничений для лиц, которые занимают должности в органах прокуратуры. В целом эти ограничения вполне сопоставимы с ограничениями, предусмотренными для представителей органов государственной власти, входящих в систему разделения властей. Соответственно, это тоже определенно сближает прокуратуру с органами государственной власти.

Исходя из ч. 3–6 ст. 129 Конституции РФ, регламентирующих общие требования к порядку формирования руководящего состава прокуратуры, тоже не усматривается каких-либо прямых связей данного органа с органами судебной власти (Генерального прокурора, а также его заместителей назначает на должность Президент РФ).

В целом изложенное отражает некоторое промежуточное положение органов прокуратуры и нет никаких оснований говорить о принадлежности прокуратуры к судебной системе.

Далее следует обратиться к нормам Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»², ст. 1 которого предусматривает в числе функций (полномочий) рассматриваемого органа надзор за исполнением законов, а также за соблюдением прав и свобод человека практически всеми государственными и негосударственными структурами. В этой связи можно

² О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1, принят Верховным Советом Рос. Федерации (с изм. и доп. от 29 дек. 2022 г.) // Рос. газ. 1992. 18 фев.; 2023. 9 янв.

отметить крайне широкий спектр именно надзорных полномочий. Поэтому есть основания полагать, что именно надзор является главной функцией прокуратуры и ее назначением.

Помимо того, на прокуратуру возлагаются функции координации деятельности правоохранительных органов в области противодействия преступности. Принципиально важно подчеркнуть и право прокуратуры возбуждать дела об административных правонарушениях и осуществлять административное расследование. Все это отражает принадлежность прокуратуры к категории правоохранительных органов.

Особое внимание представляется необходимым обратить на п. 2 ст. 4 рассматриваемого Федерального закона, согласно которому органы прокуратуры «осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти...». Эта норма позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии какой-либо принадлежности прокуратуры к федеральным органам государственной власти.

В литературе уделяется повышенное внимание проблематике неоднозначного положения прокуратуры в системе разделения властей и условно выделяются 4 подхода:

- в рамках первого подхода прокуратура характеризуется исключительно как орган государственного надзора;
- в рамках второго подхода прокуратура понимается как орган, занимающий особое место в структуре органов Российского государства;
- с позиции третьего подхода прокуратура рассматривается как структура, обеспечивающая сдержки и противовесы в системе разделения властей;
- с позиций четвертого подхода прокуратура рассматривается в контексте судебной власти [1, с. 74–76].

В контексте этих четырех подходов однозначно представляется целесообразным отклонить последний, в контексте которого прокуратура рассматривается через призму судебной системы. В то же время следует признать особое место, особый статус прокуратуры, ее надзорную специфику и важную роль в системе сдержек и противовесов (в системе разделения властей).

Однако есть и авторы, отрицающие сдерживающую роль прокуратуры в системы разделения властей. Их аргументы базируются, в частности, на отсутствии у прокуратуры полномочий поддерживать, усиливать ту или иную ветвь власти [2, с. 69]. Соглашаясь с этим отчасти, нельзя не заметить, что прокуратура в своей деятельности не предпринимает мер по усилению или ослаблению существующих ветвей власти. Но реализация надзорных функций предполагает в том числе и противодействие неправомерной, неконституционной деятельности кого бы то ни было. И в рамках этого надзора прокуратура противодействует в том числе и неправомерной деятельности органов, относящихся к одной из трех ветвей власти. В этом смысле отрицание роли прокуратуры в системе сдержек и противовесов представляется необоснованным.

Соответственно, первые три подхода представляются вполне обоснованными, хотя акцентировать внимание на каком-либо одном из них не представляется обоснованным. Думается, что роль прокуратуры должна характеризоваться исключительно с позиций комплексного подхода.

А. Н. Надин, анализируя место прокуратуры в системе государственных органов, акцентирует особое внимание на ее взаимодействии с каждой из ветвей власти. При этом он подчеркивает роль данного органа, прежде всего, в системе сдержек и противовесов [3, с. 103]. Поэтому, если рассматривать прокуратуру в таком контексте, то ее надзорная функция является инструментом, который обеспечивает соответствующие сдержки и противовесы. Например, прокуратура, требуя от того или иного органа устранить нарушения, тем самым определенно ограничивает его, пресекая какие-либо злоупотребления. Поэтому надзор можно рассматривать как главную функцию, главное назначение прокуратуры и в то же время как инструмент, благодаря которому ее назначение реализуется.

А. И. Гальченко обоснованно полагает, что рассматривать прокуратуру как сугубо надзорный орган не вполне правильно, так как надзором не исчерпывается весь спектр ее деятельности [4, с. 1349].

Говоря о широком спектре деятельности прокуратуры, А. И. Гальченко, помимо рассмотренных выше функций, выделяет также:

- участие в рассмотрении дел судами;
- участие в правотворческой деятельности;
- международное сотрудничество [Там же].

Признавая значимость указанных функций, нельзя не отметить, что международное сотрудничество здесь носит второстепенный характер. В то же время участие в рассмотрении дел судами является ключевой функцией. Что касается правотворческой деятельности, то она носит лишь дополняющий характер, и в этом плане прокуратуру нельзя назвать органом, специализирующимся на правотворчестве: таковыми являются лишь Государственная Дума и Совет Федерации, составляющие Федеральное Собрание.

Н. П. Дудин предлагает трактовать прокуратуру исключительно как орган государственного надзора. По его мнению, государственный надзор является особым видом государственной деятельности [5].

Интересной позиции придерживается Д. Р. Забирова, рассматривающая прокуратуру в контексте судебной власти. По ее мнению, прокуратура есть часть судебной системы, так как единственная конституционная статья, регламентирующая деятельность прокуратуры, помещена в главе, регулирующей судебную систему [6, с. 37]. Возможно, было бы уместно согласиться с таким подходом, если бы гл. 7 именовалась «Судебная власть». В таком случае норма о прокуратуре, размещенная в такой главе, могла бы расцениваться и как норма об органе, принадлежащем к судебной власти. А поскольку рассматриваемая глава именуется «Судебная власть и прокуратура», то можно говорить лишь о совмещении регулирования в одной главе и судебной власти, и функций прокуратуры.

Что же касается судебной власти, то она, исходя из конституционных положений, в частности ст. 118 Конституции РФ, может реализовываться исключительно судом, и в этом плане прокуратура никакого отношения к судебной власти не имеет и не может иметь.

В литературе практически повсеместно подчеркивается особый статус прокуратуры, более того, даже высказываются предложения о принятии федерального конституционного закона о прокуратуре [7, с. 106]. В данном случае не представляется целесообразным дискутировать по указанному вопросу. Но подобного рода предложения тоже отражают особое значение органов прокуратуры.

А. А. Молочков подчеркивает фактическое наличие и функционирование наряду с органами государственной власти, входящими в систему разделения властей, также государственных органов, не входящих в такую систему. Он отмечает также попытки выделить прокурорскую власть (ветвь власти) или власть надзорную [8, с. 31–32].

Надо сказать, что российская прокуратура в ее нынешнем виде – это результат не только принятия в 1993 г. Конституции РФ и многолетнего совершенствования Федерального закона «О прокуратуре», во многом это и результат конституционных реформ, проведенных по инициативе Президента РФ в 2014 и в 2020 гг., в рамках которых был пересмотрен ряд положений Основного Закона, в том числе и затрагивающих вопросы статуса и деятельности прокуратуры. Их осмыслению тоже представляется важным уделить внимание.

В контексте изложенного нельзя не отметить, что в рамках указанных конституционных реформ произошла определенная трансформация института Главы государства, в результате чего Россия из «полупрезидентской» республики трансформировалась в «президентскую». Вывод об этом представляется состоятельным, если учитывать существенное расширение полномочий Президента [9, с. 411–412].

В этой связи трансформация статуса прокуратуры, в значительной мере носящая конституционный характер, находится в неразрывной связи с трансформацией конституционного статуса Главы государства. И первые значимые изменения в части статуса прокуратуры произошли именно в связи с расширением полномочий Президента РФ в 2014 г., в частности, в результате дополнения ст. 83 Конституции пунктом е. 1, позволяющим ему назначать Генпрокурора, его заместителей, прокуроров субъектов. Тут особенно важно отметить, что, например, до 2014 г. Генпрокурор назначался на должность Советом Федерации.

В 2020 г. был реализован еще ряд преобразований, также существенно затронувших институт прокуратуры в комплексе с другими конституционно-правовыми институтами. В частности, заглавие гл. 7 Конституции было изложено в иной формулировке – «Судебная власть и прокуратура».

И. В. Ирхин в указанном изменении усматривает определенное обособление прокуратуры от судебной системы [10, с. 1384]. Такой взгляд сложно оценить однозначно, поскольку прокуратура и ранее была обособлена от судебной системы. Однако с точки зрения юридической техники и структуры Основного Закона страны, выделение прокуратуры именно в заглавии представляется важной составляющей повышения ее статуса.

Е. А. А. Алева-Герман, в целом позитивно оценивая такое решение законодателя, тем не менее полагает необходимым выделить для норм о прокуратуре специальную главу в Основном Законе [11, с. 122]. Думается, что подобная мера позволила бы устранить те противоречия в юридической технике и структуре Конституции, которые имеют место в настоящее время в связи с совмещением в одной главе положений и о судебной власти как одной из трех ветвей государственной власти, и о прокуратуре, не признаваемой формально ни самостоятельной ветвью власти, ни рассматриваемой в качестве составляющей какой-либо из трех ветвей власти.

Помимо того, в 2020 г. определенные изменения претерпела и ст. 129 Конституции РФ, куда был внесен ряд уточнений относительно надзорных полномочий прокуратуры. В указанных уточнениях усматривается нормативное закрепление многофункционального характера деятельности прокуратуры [12, с. 172].

Нельзя не отметить и принятое законодателем решение удалить в ст. 129 Конституции РФ указание на осуществление надзора от имени государства. В этом плане осуществляемый прокуратурой надзор преимущественно носит ведомственный характер. И такое изменение можно расценить как попытку ослабить позиции прокуратуры в системе российской власти.

Однако однозначно говорить об ослаблении позиций прокуратуры не приходится. Более того, отдельные авторы даже усматривают повышение ее статуса в результате рассматриваемых конституционных реформ, поскольку теперь она выступает компонентом механизма, обеспечивающего реализацию полномочий Главы государства [11, с. 119].

Вряд ли можно однозначно ответить на вопрос об усилении или ослаблении позиций прокуратуры в системе разделения властей. Однако нет сомнений в том, что законодатель обратил внимание на давно имевшийся пробел, выразившийся в отсутствии обобщающего обозначения для органов, наделенных государственными властными полномочиями, но не относящихся ни к одной из трех определенных ст. 10 Конституции ветвей власти: в 2020 г. в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ было введено понятие единой системы публичной власти (ч. 2 ст. 80), далее его содержание было уточнено в ст. 2 принятого в том же году Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»³. И указанная норма, с учетом невозможности признания прокуратуры органом государственной власти, позволяет включить прокуратуру в категорию «иные государственные органы».

³ О Государственном Совете Российской Федерации: Федер. закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ, принят Гос. Думой 25 нояб. 2020 г., одобрен Советом Федерации 2 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

Нельзя не затронуть вопрос независимости прокуратуры в контексте проведенных конституционных преобразований. Так, лишение Генпрокурора полномочий в части назначения нижестоящих прокуроров в результате рассматриваемых реформ можно расценить по-разному. С одной стороны, прокуратура стала более зависимой от главы государства ввиду наделения его полномочиями по назначению руководства органов прокуратуры. Но, с другой стороны, есть мнение и об усилении ее роли в системе власти [11, с. 119–120], что можно расценить как средство обеспечения независимости. К тому же, например, Д. А. Лобачев усматривает расширение гарантий «независимости и самостоятельности прокуроров от самой системы органов прокуратуры» [13, с. 46]. То есть соответствующие руководители, будучи назначенными Главой государства, ответственны не столько перед Генпрокурором или системой прокуратуры в целом, сколько именно перед Президентом. В то же время, по справедливому замечанию Д. А. Лобачева, в сложившемся порядке имеет место двойная подотчетность – Президенту и Генпрокурору [13, с. 46]. Это касается, в частности, заместителей Генпрокурора, прокуроров субъектов РФ и в отдельных случаях иных прокуроров, что считаем возможным оценить положительно.

Важно обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ (КС РФ), представленную им в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3⁴, касающуюся оценки конституционности рассматриваемых поправок и затрагивавших в том числе вопросы статуса органов прокуратуры, назначения на высшие прокурорские должности, установления дополнительных требований, запретов, ограничений. Так, в отношении изменения порядка назначения прокуроров КС РФ в абз. 2 п. 5.4 рассматриваемого Заключения указал на невозможность признания соответствующих поправок неконституционными, так как участие субъектов РФ в формировании федеральных органов власти, к коим относится прокуратура, не является обязательным. Более того, КС РФ подчеркнул участие в решении кадровых вопросов Совета Федерации. И поскольку этот орган сформирован из представителей субъектов РФ, то поправки в части порядка назначения прокуроров тоже не могут расцениваться как антиконституционные, дающие возможность усомниться в независимости прокуратуры.

Оценивая конституционность вводимых, в том числе и для прокуроров, условий о недопустимости наличия связей с иностранными государствами (гражданство, вид на жительство, вклады в находящихся за рубежом банках), КС РФ п. 6.1 рассматриваемого Заключения отметил недопустимость наличия политико-правовой связи с другими государствами, жизненных интересов за пределами Отечества. Все это, по мнению КС РФ, делает наделенных властью лиц уязвимыми перед посторонним влиянием. При этом КС РФ в обоснование своей позиции сослался также на одно из ранее принятых им определений⁵.

Думается, что КС РФ вполне ясно изложил свою позицию, аргументировав ее достаточно убедительными доводами, особенно в части установления запретов и ограничений. И не приходится сомневаться в том, что указанные запреты действительно способствовали укреплению независимости прокуратуры в целом и представителей ее руководства в частности.

⁴ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 52. Ст. 6533.

Заключение

Таким образом, прокуратура, выполняя широкий спектр функций, специализируется прежде всего на осуществлении функции надзора и уголовного преследования, в связи с чем представляется нецелесообразным ее именовать как исключительно орган государственного надзора. Предлагается рассматривать прокуратуру как орган, занимающий особое место в системе разделения властей, реализующий преимущественно надзорную и правоохранительную функции, а также иные функции дополнительного характера.

Принципиально важно также разграничивать государственные органы и органы государственной власти: государственные органы, не входя непосредственно в триединую систему разделения властей, тем не менее имеют определенные полномочия и взаимодействуют с органами государственной власти, нося при этом дополняющий характер. И в этой связи прокуратура является именно государственным органом.

Наличие у прокуратуры определенных функций и в судебной, и в правотворческой, и в исполнительной сфере позволяет характеризовать ее как особый орган, обеспечивающий законное, согласованное, эффективное функционирование всей системы власти, включая и систему разделения властей.

Если в целом оценивать результаты конституционных реформ 2014 и 2020 гг., отразившихся на прокуратуре, то очевиден двойственный эффект: с одной стороны, ряд изменений способствовал усилению независимости прокуратуры и укреплению ее позиций в механизме разделения властей; в то же время пересмотр порядка решения кадровых вопросов и передача широких полномочий Президенту в части назначения руководства прокуратуры вряд ли можно считать способствующим усилению независимости. Скорее, органы прокуратуры на уровне субъектов РФ стали независимы от региональных органов власти; но в то же время усилилась зависимость в целом системы прокуратуры от Главы государства; на сегодняшний день это орган, в значительной мере зависящий от него.

В качестве значимого эффекта можно отметить и усиление вертикали власти. Изменения, затронувшие прокуратуру в этой связи, стали частью трансформации всей системы российской власти. В связи с этим думается, что рассмотренные поправки были приняты, прежде всего, в этих целях, в том числе и для усиления роли Главы государства.

Список литературы

1. **Чупракова Е. Г., Плотникова Г. Н.** К вопросу о конституционно-правовом статусе прокуратуры в Российской Федерации // *Colloquium-Journal*. 2019. № 12-10 (36). С. 74–76.
2. **Артеменков В. К.** Концептуальные положения конституционно-правовой дефиниции «прокуратура Российской Федерации» // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75, № 4(185). С. 63–75.
3. **Надин А. Н.** Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 6. С. 93–105.
4. **Гальченко А. И.** Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // *Lex Russica (Русский закон)*. 2014. Т. 96, № 11. С. 1346–1359.
5. **Дудин Н. П.** Прокурорский надзор как особый вид государственной деятельности // *Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2020. № 4 (76). С. 92–95.
6. **Забинова Д. Р.** Конституционные основы деятельности прокуратуры // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 5-4 (44). – С. 36–39.
7. **Иголина Н. А.** Конституционализация прокуратуры: история, перспективы развития // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 5 (79). С. 99–106.

8. **Молочков А. А.** Проблемные аспекты регламентации и реализации принципа разделения властей в современной России // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2018. № 3. С. 30–34.
9. **Хабриева Т. Я.** Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.
10. **Ирхин И. В.** Трансформация конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации как фактор повышения эффективности взаимодействия с Администрацией Президента Российской Федерации в сфере государственного контроля // Право и политика. 2016. № 11. С. 1383–1389.
11. **Алева-Герман Е. А. А.** О незавершенном характере конституционной реформы в части норм о прокуратуре Российской Федерации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3(91). С. 117–127.
12. **Алева-Герман Е. А. А.** Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации как принцип ее организации и деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 4(137). С. 170–181.
13. **Лобачев Д. А.** Конституция российской федерации как вектор развития прокуратуры // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2020. № 3 (39). С. 42–47.

References

1. **Chuprakova E. G., Plotnikova G. N.** On the constitutional and legal status of the prosecutor's office in the Russian Federation. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 12-10 (36), pp. 74–76. (in Russ.)
2. **Artemenkov V. K.** Conceptual Provisions of the Constitutional and Legal Definition "Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Lex Russica (Russian law)*, 2022, vol. 75, no. 4(185), pp. 63–75. (in Russ.)
3. **Nadin A. N.** The place and role of the prosecutor's office in the system of state authorities of the Russian Federation. *Issues of Russian justice*, 2020, no. 6, pp. 93–105. (in Russ.)
4. **Galchenko A. I.** Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: controversial issues. *Lex Russica (Russian law)*, 2014, vol. 96, no. 11, pp. 1346-1359. (in Russ.)
5. **Dudin N. P.** Prosecutorial supervision as a special type of state activity. *Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V. B. Bobkov*, 2020, no. 4 (76), pp. 92–95. (in Russ.)
6. **Zabirova D. R.** Constitutional foundations of the prosecutor's office. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 5-4 (44), pp. 36–39. (in Russ.)
7. **Igonina N. A.** Constitutionalization of the prosecutor's office: history, prospects of development. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 5 (79), pp. 99–106. (in Russ.)
8. **Molochkov A. A.** Problematic aspects of regulation and implementation of the principle of separation of powers in modern Russia. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2018, no. 3, pp. 30–34. (in Russ.)
9. **Khabrieva T. Ya.** Constitutional reform in Russia: in search of National identity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414. (in Russ.)
10. **Irkhin I. V.** The transformation of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a factor in increasing the efficiency of interaction with the Administration of the President of the Russian Federation in the sphere of state control. *Law and Politics*, 2016, no. 11, pp. 1383–1389.
11. **Aleva-German E. A. A.** To the Question of the Incomplete Nature of the Constitutional Reform in Terms of the Norms on the Prosecutor's Office. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 3(91), pp. 117–127. (in Russ.)

12. **Aleva-German E. A. A.** Multifunctionality of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a Principle of its Organization and Activities. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 4(137), pp. 170–181. (in Russ.)
13. **Lobachev D. A.** Constitution of the Russian Federation as a Prosecutor Development Vector. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 3(39), pp. 42–47. (in Russ.)

Информация об авторах

Мишин Денис Александрович, руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая школа образования»
SPIN: 5509-6704

Куровский Станислав Валерьевич, руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая школа образования»
SPIN: 6708-7243

Смолин Павел Витальевич, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
SPIN: 9856-5422

Information about the Authors

Denis A. Mishin, Head of the Editorial and Publishing Department of Higher School of Education LLC
SPIN: 5509-6704

Stanislav V. Kurovsky, Head of the Research Division of Higher School of Education LLC
SPIN: 6708-7243

Pavel V. Smolin, Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher
SPIN: 9856-5422

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 30.07.2024*
*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication 30.07.2024*